

«ОСТАНОВИСЬ, ПРОХОЖИЙ!»

**Фрагменты из беллетризованных воспоминаний
Л.Ю. Брик о Маяковском**

Бенгт Янгфельдт

«Остановись, прохожий!», беллетризованные автобиографические заметки Лили Юрьевны Брик, где она говорит о себе в третьем лице, были написаны после войны, когда именно, – неизвестно. Копия машинописи была передана мне В.В. Катаняном в начале 1980-х гг. В ней 26 страниц, напечатанных на машинке, а также две страницы со вставками, написанные рукой автора.

Большая часть текста является переработкой воспоминаний Л.Ю. Брик, начатых в 1929 г. и опубликованных в разное время; последнее и наиболее полное (но не полное) издание – сборник «Пристрастные рассказы» (Нижний-Новгород, 2003). Публикуемые здесь фрагменты рассказывают об эпизодах ее жизни, которые не отражены в воспоминаниях или, если отражены, то в несколько другом виде. Первая часть текста относится к 1915 г., вторая – к осени 1925 г.

Название «Остановись, прохожий!» отсылает как к стихотворению М.И. Цветаевой «Прохожий» (1913) («Я тоже была, прохожий! / Прохожий, остановись!»), так и к поэме «Человек», где в главке «Маяковский векам» Маяковский спрашивает: «– Прохожий! / Это улица Жуковского?» (здесь в 1915-18 гг. жила Л.Ю. Брик). Тесная связь названия этих воспоминаний со строками Маяковского подчеркивается и тематической близостью текста Л.Ю. Брик, в котором тема самоубийства служит лейтмотивом, поэме «Человек»:

Слоняюсь.
Мост феерический.
Влез.
И в страшном волнении взираю с него я.
Стоял, вспоминаю.
Был этот блеск.
И это
тогда
называлось Невою.

Эпиграфом для рассказа Л.Ю. Брик выбрала слова из стихотворения Маяковского «Себе, любимому, посвящает эти строки автор» (1916): «Моих желаний разнужданной орде / Не хватит золота всех Калифорний!».

Черточки, многоточия, так же как и правописание, соответствуют подлиннику; мои сокращения обозначены квадратными скобками.

1.

[...] Господи! Неужели папа умрет!..¹

– Да, будет вам! Ведь совсем еще не известно рак ли это. И, по моему, он стал лучше выглядеть, и...

– Не разговаривайте с нами, как с маленькими! Я не видела папу полтора месяца и вид у него страшный!

Лиля оглянулась на дачные окна, а за ней Эля² и Лева³. Окна занавешены и молчат.

– Который час?

– Скоро семь.

– А как темно!

– Это из-за туч.

– Будет дождик. Как Вы поташитесь в город?

Огонек папиросы. Негромкий ласковый бас:

– Элик! Я за вами. Пойдем, погуляем?

– Владимир Владимирович! Здравствуйте! Лиличка, это Маяковский. А это моя сестра. А это Лев Александрович Гринкруг.

– Пойдем, Элик!

Эля высоко подняла брови, посмотрела на сестру:

– Я пойду, Лиличка?

Лиля и Лева остались сидеть на лавочке.

– Как там Ося?⁴ Я ужасно соскучилась. Вчера, когда мама вышла из комнаты, папа сказал: «Обещай мне, Лилинка, часто приходить ко мне на могилу. А на памятнике напишите просто: ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ Ю.А. КАГАН. РОДИЛСЯ 15 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА. УМЕР ТОГДА-ТО»⁵. И расплакался. Я все, все обещала и сказала, что это его воображение и что он обязательно выздоровеет. Он посмотрел на меня такими грустными глазами... А, может быть, он и правда выздоровеет?

Замолчали. Мимо прошла компания дачников.

– Как Катерина Васильевна?⁶

– А ну ее, она стала такая обидчивая. Если один раз пропустить как она танцует, не оберешься неприятностей.

Начался дождь. Дачный дождик, тихий, шелестящий. Где же Эля? Без нее нельзя итти домой. Где, да с кем, да опять с этим футуристом, да это плохо кончится.

Лиля и Лева сидят, как проклятые, накрывшись левиным пальто. Две сиротки.

Эльза Каган, в будущем Триоле,
в годы увлечения Маяковским
(Архив Бенгта Янгфельдта).

Ю.А. Каган, отец Л.Ю. Брик,
снятый на Кузнецком мосту [б. д.]
(Архив Бенгта Янгфельдта).

Хорошо, что дождь не очень сильный и плохо, что его можно и не заметить в лесу, под деревьями. Можно не заметить и дождь и время. При Элином темпераменте! Жаль, что она такая толстая, а то была бы красавица. И до чего ж кокетка! Сидит, сгорбившись, бледная, растрепанная. Стоит войти любому мальчику и волосы причесываются сами собой и румянец, и губы, как подмазанные.

Нудный дождик! И никакого просвета! Жаль, темно было, не разглядела Маяковского. Огромный, кажется. И голос очень приятный.

Огонек папиросы. Белеет рубашка. – Вот они! На Элю накинут пиджак Маяковского.

– Куда же ты пропала? Не понимаешь, что мы не можем без тебя войти в дом? Сидим под дождем, как идиоты!

– Вот видите, Владимир Владимирович, я говорила вам!

Маяковский быстро шел к станции. Он дожевывал папиросу и уже вынимал из коробки следующую. Прикурил одну об другую и, бросив окурок, несколько раз повторил бросающее движение.

– Умница! И как хорошо целуется! Какая у нее сестра? Эля хвастается, что красавица. Жаль, темно было. Глазища, кажется, огромные и голос очень приятный.

– Элик умница! Стихи любит. Хорошо, что ей нравятся мои стихи.

– Эля... Эличка... Элинка... Элик...

– Дождь прошел. Можно было бы еще погулять. Чего она рассердилась? Целовалась бы под пальто с своим Левой! Лиля!

– Лиля... Эля... Лиля... Эля... Элик... Элик...

Маяковский остановился, закурил новую папиросу о тлеющий окурок, поднял воротник пиджака и пошел медленней.⁷

Брики хворали в своей крохотной петроградской квартире.⁸ Ося лежал на диване, с бронхитом, а Лиля вытянула колено во время балетного экзерциса и удобно устроилась на двух креслах.

Звонок. Знакомый голос из передней:

– Здесь живут Брики? Больны? Чем больны? Не заразительно?

Стук в дверь.

– Это Маяковский. Можно?

Он вошел и занял собой все пространство.

.....

Мне Эличка говорила, что Вам не нравятся мои стихи.

– Я их не читала.

.....

Маяковский не спускал глаз с лилиных ног, в натянутых ярко-белых чулках и в утренних шелковых туфельках без задников. Он напряженно жевал папиросу. Ему хотелось погладить лилины ноги и прочесть ей свои стихи.

– Стихи у меня трудные. Вы их и прочесть-то не сумеете правильно.

– Возможно. А они у вас с собой?

– Конечно. Прочесть?

– Нет, я лучше сама. И Лиля прочла вслух, с листа, несложные стихи о войне. Маяковский удивился, что без запинки.⁹

– Правда, изумительные стихи? Нравятся?

– Нет, не нравятся. Стихи как стихи – ответила Лиля, внутренне раздражаясь. Ося читал газету и старался не слушать. Он не выносил бесцеремонных людей. Ему хотелось, чтобы Маяковский ушел. Он отвернулся к стене и укрылся пледом.

Лиля беспокойно посматривала на Осю. Маяковский курил папиросу за папиросой.

Как противно, что у него плохие зубы. И, вообще, зачем он пришел?!

Лиля получила телеграмму о смерти папы.¹⁰

Это навсегда. НАВСЕГДА!

Опять разлука с Осей. Они не представляли себе, как можно расстаться хотя бы на одну ночь.

Надо купить креп. И вуаль. И туфли. Нет подходящих, черных. Как он умер? Мертвый пapa на даче...

Перед дачей катафалк и карета. Ждут Лилю.

Мрачный закрытый еврейский катафалк. Туда вдвинули гроб. Мама, Лиля, Эля и Лева сели в карету и все тронулись из Малаховки в город.

В утренней газете напечатано извещение о выносе тела из московской квартиры.

Катафалк несся вскач по проселочной дороге, а за ним поспевала карета. От заставы началась булыжная мостовая. Катафалк и карета мчались как в ускоренной кино-съемке, как в «Антракте» Рене Клер¹¹, но Лиля об этом не знала.

Когда стали приближаться к городу Лева высунулся в окно и крикнул кучеру, чтобы ехал шагом.

Прохожие останавливались и смотрели вслед жидовским похоронам. Кто-то снял шапку. Кто-то по ошибке перекрестился.

Перед домом, в Спасоглинищевском переулке¹², ждала толпа родственников, друзей, знакомых и клиентов. Гроб подняли на плечи и толпа потянулась вверх по лестнице.

Гроб поставили в гостиной и сняли крышку. Лиля взглянула на папу и напряженно стала следить за мамой, чтобы не кричала, не бросалась к гробу.

– Я прошу тебя, все смотрят.

Она не заметила церемонию и уже шла за катафалком, стараясь не отставать. Она ни за что не сядет в карету! Ни за что! Якобсоны пришли...¹³ Они ведь в ссоре с мамой... «Всепримиряющая смерть». Все заплаканы, а перешептываются... Как там Ося?.. Она сможет уехать только завтра...

Она не видит по каким идет улицам. Не знает, что здесь, под ними, пройдет метро и, когда завоют сирены, люди в него прячутся.

Она идет за гробом, старается не отстать, а за ней родственники, друзья, знакомые и клиенты выступают замедленным ренеклеровским шагом. Они уже не плачут, а сдержанно смеются и вполголоса оживленно болтают.

У ворот еврейского кладбища клянчат нищие. Лева предусмотрительно наменял серебра. Лиля подает каждому и думает: – За папу.

Мужики бесцеремонно роют могилу. Когда опускают гроб, мама успевает закричать и броситься к нему. Лиля шепчет:

– Тише, умоляю тебя. Все смотрят.

Еле доплелись до кареты. Оказывается, мучительно ноют ноги.

Быстро доехали до московской квартиры. Пусто. Тихо. Мебель и лампы в чехлах.

Какой вкусный чай! И есть хочется. Когда Лиля раздевалась, она обнаружила, что оба больших пальца на ногах посинели. – Не сошли бы ногти! Это надавили новые черные туфли.

[...] Маяковский заехал в номера «Мон-Репо» на той же улице Жуковского на которой жили Брики – совсем рядом. И завтра собирался назад в Куоккалу.¹⁴ Но все это было шесть часов тому назад. Ни в какую Куоккалу он завтра не поедет. Завтра, с утра, в типографию, узнавать сколько стоит напечатать «Облако». Потом к Брику. Можно сказать ему подороже. Надо платить за номер, катать Элю на острова. Совсем нет денег! А Лиля... Жаль, не актриса, не художница, не своя... Но иметь такие ногти – это лучше, чем писать гениальные стихи!

Маяковский шел от Бриков, по Жуковской, налево, в противоположную номерам сторону. С Литейного он повернулся по набережной в направлении Троицкого моста.¹⁵

Как в кино прошло три дня.

У портье ждет открытка: «Дорогой Владимир Владимирович! Бросьте Ваши гешефты литературные и женские и приезжайте!»¹⁶

Маяковский не вернулся в Куоккалу. Оставил там и даму и белье у прачки.

Печаталось «Облако». Обложку надо непременно желтую. Самый красивый цвет – желтый. А что цензура – даже нравится. Загадочно как-то...

«Посвящается Лили Юрьевне Брик». Она уже привыкла, что посвящается, и ей не нравится, что написано об одной, а посвятил другой – ей.¹⁷ А как же Мария? Не хотела бы она оказаться на месте этой Марии.

«Мария» – в Одессе. В Москве – Сонка. «Сонка! Сонка! Сонка! Пусти Сонка! Я не могу на улицах! Не хочешь!»¹⁸ Нет, Мария. «Мария». Так называемая «Женщина с большой буквы». Собирательная Мария. Не все ли равно о ком? Завтра последняя корректура.

[...] Маяковский переехал из номеров в частную квартиру на Надеждинской.¹⁹ По утрам пил в Летнем саду кофе. Оттуда к Брикам. Отлучался только в редакцию Сатирикона²⁰ и в биллиардную ресторана Медведь. Ходили в гости.

Лиля, очень красивая, в новом парижском платье (один пароход на котором были модели для мадам Ольгá²¹ потопили немцы, а этот проскочил), в жемчугах ожерелья, накрашенная, рыжая.

Ты ко мне не вернешься: на тебе бархат;
Он скрывает бескрылые утомленные плечи...²²

Большой холл в мавританском стиле.²³ Коллекции фарфора, купленные вместе с мебелью в мебельном магазине. Маяковский шел, попирая ногами устланную коврами лестницу.

– Эта ваза, молвил Филя, и-о-ни-чес-ко-го стиля...

За ужином, предложив икры Лиле и Осе, он вываливал весь остаток себе на тарелку; упрекал хозяев, что мало закуски, что повар – посредственный, фрукты – бывают лучше; спрашивал, вымыты ли фрукты кипяченой водой и почему нет ананасов...

После ужина играли в покер. На нескольких ломберных столах красного дерева (– Почему без инкрустаций?!?) ждали пестрые фишki и печатанные нарядные покерные карты.

Выпили! Выпили!
Жалобно плачем ли
Мы в атласных одеждах колоды карт.²⁴

Маяковский не давал партнерам опомниться. Забивал миллионеров лимитами, блефовал, острил, декламировал. И вставал из-за стола только с выигрышем. (– Нужны очень деньги!) Осип Максимович играл для игры и галантно старался закончить вничью. Лиля равнодушно проигрывала.

Домой итти недалеко. Маяковский, постепенно мрачнея, провожал Бриков до подъезда. С Жуковской он поворачивал на Литейный, с Литейного по набережной, в направлении Троицкого моста.

Он шагал до утра; исхаживал версты улиц, мял торцы и асфальт. Он бормотал и плакал, вбивая ритм в тротуары. Ему казалось – Никому ненужный... Никому... Никому...

[...] Я заставлю ее полюбить себя. Пусть поревнут эти Левы! Боже, как я люблю, когда ревнут, страдают, мучаются!

Флейта²⁵ писалась медленно, хотя Лиля обещала приходить к Маяковскому домой слушать каждое новое флейтино стихотворение.

Лилины вкусы детально изучены. Мобилизована вся наличность – выигрыш в покер, сатириконский гонорар, утренний выигрыш на билларде. Маяковский у Елисеева.

– Нарежьте мне два фунта этого окровавленного ростбифа и дайте две банки соуса тартар к нему. И сыров, самых вонючих и разных. И вот эту корзину фруктов.

За миндальными пирожными он зашел к Де Гурме.

– Положите десяток, нет, два десятка.

Три фунта пьяных вишнен и шоколадная соломка взяты у Крафта. У Эйлерса выбраны цветы.²⁶

Дома производится самая тщательная уборка. Он сам вытер пыль, подмел и проветрил. Фрукты вымыты в двух кипяченых водах. Вычищены башмаки. Повязан самый красный галстук.

Он начал ждать. Он курит папиросу за папиросой.

В соседней комнате часы пробили условленное время. Залаяла хозяйская собака. Маяковский бросился отпирать дверь.

– Я ее боюсь. Я не войду.

Лиля стояла за дверью и ждала когда Маяковский выгонит крошечную черную собаченку. Лиля еще не знала, что Володя умеет так веселиться.

– Такая большая женщина испугалась крохотной собачки! Потом обязательно познакомлю вас. Вы будете обожать друг друга!

Володя суетится вокруг Лили. Пальто, шляпа, перчатки. Сто раз мелкими поцелуями перецеловал руки.

– Я пришла к поэту в гости

Ровно в полдень, в воскресенье.²⁷

Что раньше – чай пить или стихи читать?

Конечно, стихи!

.....

– Нравится? И только? Почему не любишь? Кому же это нужно если тебе не нужно?

– Люблю, Володик. Как так – не нужно! Нужнее всего на свете! Прочти еще раз, я много строчек уже запомнила. И у нас еще столько дел впереди. Подумай, съесть все то, что ты наготовил. Я нарочно не обедала. Голодная, как черт! И Ося ждет. Каково ему знать, что есть новые стихи и стоять за ними в очереди. А каково всему остальному человечеству! Лиля говорила без умолку, боялась замолчать. И думала: – Люблю – Осю.

Маяковский провожал Лилю домой. Он шел, не произнося ни слова. Лиля мучилась – что делать? Это становится невыносимо!

Ося ждал и открыл дверь на звук захлопнувшегося на площадке лифта, не дожидаясь звонка. Он заранее радовался.

– Ну как?

Маяковский вошел, убийственно мрачный, с стиснутыми челюстями. (Ося взглянул на Лилю – случилось что-нибудь?) Маяковский с трудом разжал губы:

– Забуду год, день, число...²⁸

Каждое слово вновь рождалось в муках. Ося слушал неподвижный, не подымая глаз.

– В праздник красьте сегодняшнее число.

Творись
распятыю равная магия.
Видите –
гвоздями слов
прибит к бумаге я.

Маяковский всхлипнул, почти вскрикнул и со всего роста бросился на диван. Его огромное тело лежало на полу, а лицом он зарылся в подушки и обхватил руками голову. Он рыдал. Лиля растерянно нагнулась над ним.

– Володя, брось, не плачь. Ты устал от таких стихов. Писал день и ночь.

Ося побежал на кухню за водой. Он присел на диван и попытался силой приподнять володину голову. Володя поднял лицо, залитое слезами и прижался к осиным коленям. Сквозь всхлипывающий вой выкрикнул: «Лиля меня не любит!» Он вырвался, вскочил и убежал на кухню. Он стонал и плакал там так громко, что Лиля и Ося забились в спальню в самый дальний угол.

Маяковский еще долго рыдал на кухонном подоконнике и внезапно замолк. Вытер лицо носовым платком. Посмотрел в окно. Стиснул челюсти.

Он прошел коридором мимо двери спаленной, как по пустой квартире. Слегка хлопнула дверь, щелкнув английским замком. [...]

2.

Маяковский ждал Лилю в Берлине. Он подготовил ей комнату все в том же Курфюрстен-отеле.²⁹ Цветы в корзинах и вазах на столах, на полу. Огромное дерево цветущей камелии, клумбы тюльпанов. На столе разложены мексиканские подарки. Деревянные игрушки: крохотные мексиканские лапотки ювелирной работы; широкополая ковбойская шляпа; картинка с птичкой – воистину райской – склеенной из настоящих радужных перышек. Танцующие бобы. Купленная в Гаване сигарная коробка с разноцветными сигаретами – розовые, желтые, голубые, лиловые, черные. Со стола свисают пестрые коврики.

На отдельном столе фрукты и бутылка шампанского. Вторая бутылка в холодильнике со льдом. Сифон и виски.

Вот она! Улыбается из окна вагона. От долгожданной неожиданности Маяковскийроняет трость.³⁰ Лиля в незнакомой беличьей курточке с большой искусственной розой в петлице.

– Родной мой!

Большие мягкие щеки. Теплые большие губы.³¹

Она кружится вокруг стола с подарками. Закуривает сигарету – лиловую, к красному платью. Заставляет танцевать бобы, гладит райскую птицу. Целует Володины родные большие белые, чуть шершавые лапы.

– Плохо вытираешь после мытья. Лиля по-хозяйски осматривает его ногти.

– Я для тебя сегодня все утро маникюром занимался.

Знакомыми чистыми, скучными улицами они идут к Хорхеру.³²

– Говорят, в Америке вкусно кормят только в очень дорогих ресторанах?

– Не знаю. Не пришлось проверить.

– Ну а в Италии, там все самое любимое в самых дешевых, в trattoria'x. Фрутти ди-маре. Эта всякая морская живность, изумительно вкусно! Но ты бы в рот не взял. Зато тутти-фрутти ты бы объелся. Огромный поднос – фрукты самые разные, миндаль, изюм, каштаны, финики. А кьянти.

– Herr Ober, дайте нам кьянти, пожалуйста.

– Тогда уж и Уайт хорз.

– Герр обер, хабен зи уайт хорз?

– Абер зельbstферштендлих, герр Маяковский!

– Красивее всего там креолки. В трамвае сидит против тебя такая красвица писанная, что нет сил вылезти на своей остановке. Так и ездил из конца в конец! Юбки? Короче чем даже в Париже. А чулки до колен. Коленки голые. Свобода движений, непринужденность удивительные. Дал я обет один³³... но об этом не могу говорить сегодня...

– Не говори, не нужно. Ты же знаешь – я совсем, совсем не любопытная...

– Знаю, что не интересую тебя абсолютно...

– Ну зачем говорить не то что думаешь? Привычный вывих? Обожаю тебя. Рада тебе. Соскучилась.

– Ты сама знаешь какой обет...

– Пять минут тому назад думала, что знаю. А сейчас опять не знаю...

Лучше расскажи еще что-нибудь. Мало рассказываешь. Как там Бурлюк?

– Бурлюк стал старый, а так все тот же. Додя как Додя. Деток своих любит. Занимается живописью. Не очень мне нравится кьянти.

– А мне совсем не нравится виски.

– Чокнемся вермутом за Осю. Он очень любит вермут.

– Дома ждет тебя. Я перед отъездом купила две дюжины.

– Спасибо, солник!

– Вкуснее всего этот мозель.

– Наша Ореанда не хуже.

Пьют, уже не чокаясь. Медленно потягивают старый Бенедиктин. Все есть у Хорхера.

Но даже много выпивший Маяковский помнит свой обет. Он всматривается на сидящую напротив Лилю. Огромные глаза сияют. Еще больше стали. А вокруг глаз и около ярких губ – морщинки. Морщинки у Лили! Лиле стареет! Все равно. Лиле не женщина. Она исключение. И все-таки я не стану доживать до ее старости, ни до ее, ни до своей. Застрелюсь. Красивое платье! Ни у кого не видел, не бывает таких красивых.

От Хорхера едут в центр. Неинтересно на Фридрихштрассе после Бродвея и Канале-Гранде. Зашли в два-три безвкусных бара и ввалились в такси.

Маяковский провожает Лилю до дверей ее комнаты и уходит к себе. Что это? Обет? Чудо какое-то! Как хорошо! [...]

п р и м е ч а н и я

- ¹ Дело происходит летом 1915 г. в Малаховке под Москвой, где родители Л.Ю. Брик снимали дачу и куда она приехала навестить своего больного раком отца.
- ² Эльза Юрьевна Каган (1896–1970) – сестра Л.Ю. Брик, за которой в 1914–15 гг. ухаживал Маяковский.
- ³ Лев Александрович Гринкруг (1889–1987) – близкий друг Л.Ю. Брик. Подробнее о нем см.: Бенгт Янгфельдт. Любовь это сердце всего. В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. Москва, 1991. С. 195.
- ⁴ Осип Максимович Брик.
- ⁵ Юрий (Урий) Александрович Каган (1861–1915) – юрист, присяжный поверенный, член юридической консультации при «Обществе распространения правильных сведений о евреях», один из «видных знатоков т^{ак} называемого еврейского права» (из некролога в Еврейской неделе. 21 июня 1915. С. 5).
- ⁶ Екатерина Васильевна Гельцер (1876–1962) – балерина, близкая подруга Л.Ю. Брик.
- ⁷ О посещении Маяковским Малаховки ср. воспоминания Л.Ю. Брик (*Пристрастные рассказы*. С. 21), а также неопубликованные воспоминания Л.А. Гринкруга: «В один из приездов ^{из Петрограда} [...] мы с Л.Ю. приехали в Малаховку на дачу к ее родителям, которые жили вместе с сестрой Л.Ю. [...]. Когда мы приехали на дачу, то Маяковского и Эльзы не было дома. Они ушли гулять и мать была в совершеннейшем ужасе и отчаянии, что отпустила свою дочь, молодую девушку, вечером одну с таким человеком. Маяковского она тогда совсем не знала, а слава о нем ходила, как о человеке на все способном, буйном. [...] Каково же было наше удивление, когда некоторое время спустя они вернулись домой и вместо этого чудовища мы увидели тихого, спокойного, нежного и ласкового человека. [...] Лили Юрьевна осталась ночевать на даче, а мы с Маяковским в тот же вечер вернулись в Москву» (Архив Б. Янгфельдта). Об этом эпизоде вспоминала и Эльза Триоле («Воинствующий поэт». *Vladimir Majakovskij: Memoirs and Essays*. Ed. Bengt Jangfeldt, Nils Åke Nilsson. Stockholm, 1975. P. 29–30).
- ⁸ С января 1915 г. Брики жили в двухкомнатной квартире на ул. Жуковского, д. 7.
- ⁹ Речь идет о стихотворении 1914 г. «Мама и убитый немцами вечер» (см.: *Пристрастные рассказы*. С. 23).
- ¹⁰ Ю.А. Каган умер 13 июня 1915 г.
- ¹¹ Речь идет о фильме «Антракт» (*Entr'acte*) французского режиссера Рене Клэра (1924).

- ¹² Ошибка памяти Л.Ю. Брик. Семья жила в Спасо-Глинищевском переулке до 1905 г., потом в Петроверигском.
- ¹³ Родители Р.О. Якобсона, Осип и Анна Якобсоны.
- ¹⁴ В начале лета 1915 г. Маяковский жил в Куоккале на Карельском перешейке, а после чтения «Облака в штанах» в квартире Бриков в июле 1915 г. поселился в гостинице Пале-Рояль на Пушкинской улице. Позже он снял меблированный номер в «Мон-Репо» – в том же доме, где была квартира Бриков.
- ¹⁵ Тот самый «мост феерический», где в поэме «Человек» Маяковский обдумывает самоубийство.
- ¹⁶ Открыгка, скорее всего, от К. Чуковского, с которым Маяковский много общался летом в Куоккале.
- ¹⁷ Окончательное посвящение: *Тебе, Лиля.*
- ¹⁸ Цитата из 4-й части «Облака в штанах», с той разницей, что имя Мария заменено именем Сонка. Речь идет о том, что прообразами «Марии» в поэме служили Мария Денисова и Соня Шамардина. С первой Маяковский виделся всего несколько раз в Одессе зимой 1914 г., а с Шамардиной у него был серьезный роман.
- ¹⁹ В начале ноября 1915 г. Маяковский переехал в квартиру на соседней от улицы Жуковского Надеждинской (д. 52).
- ²⁰ В 1915 г. Маяковский часто печатался в журнале «Новый Сатирикон».
- ²¹ Мадам Ольгá была одна из самых знаменитых петербургских портних и шляпниц.
- ²² Из стихотворения Игоря-Северянина (1910).
- ²³ Речь идет о квартире «дальних осиных родственников», в воспоминаниях Л.Ю. Брик выведенных под инициалом В. (Пристрастные рассказы. С. 35-36). Их настоящая фамилия – Гандельман; а имя жены – не Фанюша, а Мариша (Неопубликованные фрагменты воспоминаний Л.Ю. Брик. Архив Б. Янгфельдта).
- ²⁴ Неточная цитата из стихотворения К.Большакова «Le chemin de fer» (март 1915):
«Выпили! Выпили!», – жалобно плачем ли
Мы, в атласных одеждах фигуры карт?
Chemin de fer – здесь карточная игра, по-русски «железка», в которую часто играли в доме Бриков.
- ²⁵ Имеется в виду поэма «Флейта- позвоночник», написанная осенью 1915 г.
- ²⁶ Де Гурме, Крафт – гастрономические магазины; Эйлерс – самый знаменитый цветочный магазин в Петербурге.
- ²⁷ Из стихотворения А.А. Ахматовой, посвященного А.А. Блоку (1914).
- ²⁸ Эта и следующая цитата – из «Флейты- позвоночника».
- ²⁹ Имеется в виду Курфюрстен-отель (Kurfürsten Hotel) в Берлине, где всегда останавливались Брики и Маяковский. В этом фрагменте рассказывается о первой встрече между Л.Ю. Брик и Маяковским после его почти шестимесячного отсутствия, с конца мая 1925 г. путешествовавшего по разным странам (Франция, Мексика, США).
- ³⁰ Л.Ю. Брик провела месяц в Италии. Маяковский приехал из Парижа в Берлин 14 ноября, на день или два раньше.
- ³¹ За этой фразой следует три предложения, перечеркнутые автором: «Оба счастливы, только страшно, что сейчас вот начнутся ревнивые расспросы, старая нудная волынка. На этот раз она не выдержит. Не те нервы».
- ³² Хорхер (Horcher) – знаменитый берлинский ресторан.
- ³³ Речь идет об обещании Маяковского, что после возвращения из Америки он не будет больше настаивать на интимных отношениях с Л.Ю. Брик.